
БИЛИНГВИЗМ И ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ ПРИ ОПОСРЕДОВАННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Н.Г. Валеева

Кафедра иностранных языков № 2
Институт иностранных языков
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макляя, 6, Москва, Россия, 117198

Рассматривается понятие «переводческий билингвизм», анализируются особенности переводческой интерференции и пути преодоления ее отрицательных проявлений.

Явление билингвизма представляет собой владение индивидом родным и одним или несколькими иностранными языками, а следовательно, находящимися в контакте, последствия которого проявляются в речевой деятельности билингва. «Согласно Уриелю Вайнрайху, два или более языков находятся в контакте, если ими пользуются попеременно одни и те же люди. Явление попеременного использования одним и тем же человеком двух языков следует во всех случаях называть билингвизмом» [5. С. 36].

Своеобразие явления билингвизма, независимо от связи его с переводческой деятельностью, состоит в том, что владение двумя (и более) языками имеет, как правило, асимметричный характер. У большинства билингвов в процессе языкового контакта доминирует один (родной) язык, данный ему с молоком матери, и одна культура, впитанная вместе с этим языком (и отраженная в данном языке как в языковой картине данного этноса). С позиций доминирующего языка и доминирующей культуры интерпретируются значения лексических единиц, система смыслов речевых произведений на другом языке, воспринимаются факты иноязычной культуры.

Вайнрайх приходит также к выводу, что если два языка находятся в контакте в практике попеременного использования одним и тем же индивидом, то в языке данного индивида обычно можно обнаружить «примеры смещения норм каждого из двух языков», которые являются следствием пользования более чем одним языком. Такое смещение представляет собой интерференцию в речи индивида. Например, если французский язык является первым и на нем говорят *un simple soldat*, то индивид переносит это словосочетание на английский язык в форме *a simple soldier* вместо существующей английской формы *a private soldier* [5]. Таким образом, явление билингвизма неотделимо от явления интерференции.

Интерференция (от лат. *inter* — *между собой, взаимно* и *ferio* — *касаюсь, ударяю*) как понятие представляет собой взаимодействие языков (языковых картин мира, лингвокультур) в условиях двуязычия, складывающегося при языковых контактах либо при индивидуальном освоении неродного языка. Термин «интерференция» используется также для обозначения результатов самого явления интерференции, которые могут быть позитивными или негативными. Соответственно, различают положительную, или конструктивную, интерференцию и отрицательную, или деструктивную, интерференцию.

Положительная интерференция привлекает меньше внимание исследователей, поскольку проявляется в приобретении, закреплении и углублении знаний, умений и навыков в одном языке под влиянием другого и протекает незаметно, не требуя дополнительных усилий. Примером данной интерференции может служить перенос умений и навыков на уровне языковых и речевых универсалий, например, структурирование речи в форме высказывания, построение высказывания по определенной модели предложения, общей для контактирующих языков.

Отрицательная интерференция выражается в отклонении от системы, норм и узуса иностранного, «вторичного» языка-речи под влиянием родного. В рамках языка как системы интерференция способна охватывать все уровни языка, но особенно заметна в фонетике (акцент, нарушение интонационного рисунка высказывания). Главный источник интерференции — расхождения в системах взаимодействующих языков: различный фонемный состав, различное соотношение интегральных и дифференциальных признаков, различные правила позиционной реализации фонем, их сочетаемости, различная интонация. На лексическом уровне интерференция обусловлена несовпадениями в отношениях между означающими, означаемыми и знаками в двух языках. Часто можно наблюдать различия ассоциативных полей лексики, несовпадение лексической сочетаемости и многое другое. Источником интерференции является и различный состав грамматических категорий и/или различные способы их выражения [6. С. 197].

Наиболее интересные и в то же время наиболее сложные явления интерференции возникают, однако, не на уровне языка как системы, а на уровне узуса, в процессе реализации языка в речи, когда в силу интерференции фонетически, лексически, грамматически и даже интонационно грамотная речь на иностранном языке покрыта налетом чужого. В ней не оказывается того, что должно было бы быть в речи носителя языка, и, напротив, может возникнуть то, чего в речи носителя языка скорее всего не было бы [2. С. 317].

Явление билингвизма и проявление интерференции характерно и для переводческой деятельности. «Перевод — это языковой контакт и одновременно явление билингвизма» И в рамках этой деятельности билингвизм и интерференция обладают рядом специфических черт. Перевод — это «предельный случай билингвизма, редкий со статистической точки зрения, где сопротивление обычным последствиям билингвизма более сознательно и более организованно; случай, когда говорящий билингв сознательно борется против любого отклонения от лингвистической нормы, против любой интерференции...» [5. С. 37]. Иначе говоря, для переводческого билингвизма характерно понимание негативных явлений интерференции, знание приемов ее преодоления, стремление к сознательному и последовательному противодействию отрицательной интерференции.

Перевод — это ситуация билингвизма особого рода. Если обычно билингв пользуется то одним языком, то другим в зависимости от ситуации общения, то при переводческом билингвизме в условиях опосредованной коммуникации переводчик использует два контактирующих языка. В процессе перевода оба языка не только присутствуют, но и соотносятся друг с другом в акте речи и функционируют практически одновременно, благодаря механизму переключения с лингвокультуры одного социума на язык и культуру другого социума. «Именно эта

соотнесенность, и, в первую очередь, соотнесенность на уровне узуса и нормы и образует языковую базу переводческой компетенции» [8. С. 26].

В отличие от условий одноязычной коммуникации, переводческая деятельность направлена не на создание или восприятие первичного текста (оригинала), а на воссоздание текста-оригинала на языке перевода. Цель переводческой деятельности есть создание вторичного текста — текста перевода. Имея дело со сложным языковым и речевым знаком — текстом, с воссозданием на языке перевода уже существующего речевого произведения (оригинала), переводчик оказывается во власти не только двух систем языков, но и уже материализованного в знаках одного из этих языков высказывания/текста как сложного знака лингвокультуры. Следовательно, интерференция проявляется как взаимодействие, взаимовлияние на уровне дискурса, на уровне текстовых стратегий и конвенций, имеющих лингвистическую и этнокультурную составляющую.

В переводе осуществляется как контакт, так и столкновение культур на когнитивно-культурологическом уровне, но не только культуры одного народа с культурой другого как объективных способов жизнедеятельности народов, а и культуры исходного этноса, субъективно воспринятой и описанной автором оригинала в рамках текста, с субъективными представлениями переводчика о чужой культуре и об особенностях ее интерпретации автором оригинала. Автор оригинального речевого произведения создает некую модель как результат отражения воспринимаемого фрагмента действительности. Эта модель — продукт его индивидуальной когнитивной и творческой деятельности. Именно эту модель и должен декодировать переводчик, обратившись к тексту оригинала. Такая авторская (субъективная) отраженная модель действительности, а не сама объективная действительность воспроизводится в переводе, получает свое материальное воплощение в тексте перевода [2. С. 320].

В процессе декодирования оригинала и на этапе порождения текста перевода переводчик делает выбор, исходя из культурно-когнитивных и ситуационных соображений. Без культурно-когнитивной компетенции, которая включает, среди прочего, умение использовать языковые средства на основе определенных представлений, и без учета ситуационных факторов, иными словами, тех внешних обстоятельств, в которых осуществляется акт коммуникации и которые релевантны для каждого отдельного случая, «переводчик не сможет десубъективизировать исходный текст и объективизировать текст перевода адекватно новой ситуации» [4. С. 112]. Коммуникативная ситуация создается прежде всего самими коммуникантами: автором исходного текста, переводчиком и реципиентом перевода, их соответствующими личностями, их манерой бытия и общения, их интересами, мотивами и целями. Помимо этого существует ряд обстоятельств, которые влияют на речевое и неречевое поведение каждого из них и отражаются на стратегии и выборе переводчика. Среди этих обстоятельств — тема, место и время коммуникации, социальные роли коммуникантов, конечно же, условия работы переводчика. Культурно-когнитивные и ситуационные факторы не действуют по отдельности, их разделение условно в целях анализа. «Они частично перекрываются, образуя единую группу коммуникативных факторов, которые иногда обобщенно именуют коммуникативной ситуацией» [4. С. 113].

«Культурно-когнитивные факторы могут быть сведены в первом приближении:

— к пресуппозитивным, энциклопедическим и фоновым знаниям переводчика и представлениям переводчика о соответствующих знаниях двух других участников коммуникативного акта как представителей их соответствующих культур;

— концептуальным знаниям переводчика и его представлениям о концептуальных знаниях двух других участников коммуникативного акта как представителей их соответствующих культур;

— знаниям переводчика о нормах речевого и неречевого поведения, включая текстовые конвенции и их соотношение с концептуальными системами в двух культурах.

Эти факторы всегда будут релевантными, какой бы ни была коммуникативная ситуация; единственное, что может изменяться, — это степень релевантности каждого из упомянутых факторов.

Факторы, которые мы условно обозначаем как «ситуационные», варьируют от одного коммуникативного акта к другому. К ним относятся:

— знания переводчика о конкретной теме коммуникации;

— знания переводчика об авторе исходного текста как индивиде (его индивидуальном восприятии мира, отношении к теме, его социального статуса и т.д.);

— представление об индивидуальной манере автора достичь целей своей речевой деятельности, которые переводчик формирует в процессе десобъективизации исходного текста;

— знания переводчика об остальных обстоятельствах, которые могут оказаться релевантными в конкретном случае;

— знания об адресате как индивиде (его индивидуальном восприятии мира и т.п.) и представления переводчика об его индивидуальной коммуникативной деятельности, нацеленной на десобъективизацию текста перевода (прогнозирование трудностей, с которыми он может столкнуться);

— переводчик как субъект деятельности: «внутренние» факторы или самодетерминация (переводчик как индивид и профессионал, его индивидуальное восприятие мира и т.п.) и условия работы.

Функционирование факторов, обуславливающих деятельность переводчика, имеет гибкий характер принятия решений в рамках шкалы допустимых возможностей, ограниченной функционально-интенциональной программой автора исходного текста и приемлемостью текста перевода в принимающей культуре» [4. С. 113—114, 117].

Каждое воплощение текста оригинала в тексте перевода несет отпечаток индивидуальности переводчика. Вариативность, корректность, равнозначность воплощения в переводе исходной авторской модели действительности зависит не только от вариативной способности языка-речи, но и от компетентности и мастерства переводчика. Интерпретируя оригинал, переводчик пытается расшифровать субъективные смыслы исходного текста, оперируя общими, то есть объективными смыслами знаков. Но его интерпретация также субъективна. Она подчинена его собственному когнитивно-культурологическому опыту в родной и иноязычной культуре, его умению понять частное, субъективное через общее, объектив-

ное. Именно поэтому один и тот же текст может быть понят разными людьми по-разному, поэтому же в практике художественного перевода множественные переводы одного и того же произведения — обычное дело [2. С. 272].

В процессе перевода как процессе взаимодействия и столкновения родной и вторичной лингвокультуры переводчику приходится преодолевать «лингвоэтнический барьер»: расхождения языковых систем исходного языка и языка перевода, расхождения речевой нормы/узуса, действующих в коллективах носителей исходного языка и языка перевода, расхождения коммуникативно релевантной преинформации носителей исходного языка и языка перевода, то есть экстралингвистических знаний, которые используются при восприятии и интерпретации текста, в том числе культурно-исторической информации и информации об актуальных текущих событиях, а также несовпадение устойчивых привычек в области восприятия, интерпретации и построения текста [3].

Под влиянием исходного языка, текста оригинала как сложного языкового знака и как речевого произведения, асимметричности концептов, лежащих в основе языковых форм и отражающих национальную специфику мировидения, расхождения объема фоновых знаний коммуникантов, в тексте перевода появляется отрицательная, или деструктивная, интерференция.

Примерами проявления отрицательной интерференции в деятельности переводчика на уровне текста могут служить, например, буквализм (искажение смысла оригинала в тексте перевода при автоматическом перенесении лексических единиц и синтаксических структур, например: *Notre Dame de Paris* (фр.) — «*Наша Дама из Парижа*», а не *Собор Парижской Богоматери*), появление в тексте перевода «ложных друзей переводчика» (например, *journal* (фр.) — *журнал*, а не *газета*), нарушения стилистических норм, а также искажение эмоционально-оценочного настроения речевого произведения, его тональности.

В качестве примера искажения эмоционально-оценочного настроения речевого произведения, его тональности сошлемся на сопоставительный анализ поэтического произведения — стихотворения Н. Heine «Ein Fichtenbaum» (входящего в цикл «Мечты о далекой возлюбленной») и его перевода — стихотворения М.Ю. Лермонтова «Сосна»:

Ein Fichtenbaum Н. Heine	Сосна М.Ю. Лермонтов
Ein Fichtenbaum steht einsam	На севере диком стоит одинок
Im Norden auf kahler Höh! Ihn schläfert, mit weiber Decke	На голой вершине сосна И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Umhüllen ihn Eis und Schnee.	Одета, как ризой, она.
Er träumt von einer Palme, Fern im Morgenland,	И снится ей все, что в пустыне далекой, В том крае, где солнца восход,
Einsam und schweigend trauert, Auf brennender Felsenwand.	Одна и грустна на утесе горючем Прекрасная пальма растет.

«Гениальный М.Ю. Лермонтов несколько «подпортил» своим переводом известное стихотворение Генриха Гейне о северном кедре, тоскующем о далекой юной пальме ... В переводе Лермонтова о прекрасной пальме тоскует ... сосна» [7. С. 203]. Противопоставление двух грамматических родов *der Fichtenbaum* (кедр) — *die Palme* является инвариантным элементом содержания. Непередача этого противопоставления уводит восприятие в несколько иной аллегорический план. На передний план выходит мотив одиночества, тоски по родственной душе [3. С. 99]. Лермонтовская редакция «сделана в эпическом, сказочном тоне и, по-видимому, совершенно сознательно создает благодушное настроение», уничтожая трагическую концепцию оригинала, «вытравливая в переводе все трагическое» и заменяя трагический тон оригинала красивой романтикой. «...Сущность стихотворения Гейне сводится тому, что некий мужчина, скованный по рукам и ногам внешними обстоятельствами, стремится к недоступной для него и тоже находящейся в тяжелом заточении женщине, а сущность стихотворения Лермонтова — к тому, что некое одинокое существо благодушно мечтает о каком-то далеком, прекрасном и тоже одиноком существе». Достигается это (среди прочих приемов) накоплением эпитетов, отсутствующих в оригинале. Если стихотворение Гейне «отличается крайней сдержанностью языка: ни одного лишнего слова, отчего каждое слово приобретает удивительную значимость», то в стихотворении Лермонтова накопление эпитетов создает «то сказочное очарование, которое пленяет нас в стихотворении в связи с его основной темой о сказочном прекрасном „далеко“». В результате внесенных изменений появляется оригинальное произведение. «Лермонтовское стихотворение является хотя и прекрасной, но совершенно самостоятельной пьесой, очень далекой от своего оригинала» [9. С. 367—378].

Совершенно иначе воспринимается перевод Ф.И. Тютчева того же стихотворения:

На севере мрачном, на дикой скале
Кедр одинокий под снегом белеет,
И сладко заснул он в инистой мгле,
И сон его вьюга лелеет.
Про юную пальму все снится ему,
Что в дальних пределах Востока,
Под пламенным небом, на знойном холму
Стоит и цветет одинока....

Сохранив авторскую направленность, оппозицию родов, поэту удастся передать тоску о любви [3. С. 98].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Вайнрайх У.* Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. — М.: Наука, 1972.
- [2] *Гарбовский Н.К.* Теория перевода. — М.: Изд-во моск. ун-та, 2004.
- [3] *Латышев Л.К., Семенов А.Л.* Перевод: теория, практика и методика преподавания. — М.: Изд. центр «Академия», 2003.
- [4] *Львовская З.Д.* Современные проблемы перевода / Пер. с исп. — М.: Издательство ЛКИ, 2008.

- [5] *Мунэн Ж.* Перевод как языковой контакт // Вопросы перевода в зарубежной лингвистике. — М.: Международные отношения, 1978. — С. 36—41.
- [6] Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990.
- [7] *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. — М.: Изд-во МГУ, 2004.
- [8] *Швейцер А.Д.* Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. — М.: Наука, 1988.
- [9] *Щерба Л.В.* Опыты лингвистического толкования стихотворений. II. «Сосна» Лермонтова в сравнении с ее немецким прототипом // В.А. Татаринов. Методология научного перевода. К основаниям теории конвертации. — М.: Московский лицей, 2007. — С. 367—378.
- [10] *Weinreich U.* Languages in Contact. Findings and Problems. — N.Y., 1953.

BILINGUAL APPROACH IN MEDIATE COMMUNICATION

N.G. Valeeva

Foreign Languages Chair № 2
Peoples' Friendship University of Russia
Miklucho-Maklay str., 6, Moscow, Russia, 117198

The concept of bilingual approach in translation is considered in the article. The peculiar qualities of interference in translation and the ways to overcome their negative manifestation are analyzed.